

УДК 94(470) «18/19»

Н.Г. Суворова

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОЛОНИЗУЕМОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ

Представлены специфические черты крестьянского самоуправления Сибири, которые формировались в условиях колониального освоения региона. Выявлены наиболее значимые факторы воздействия на крестьянские учреждения, а также показаны последствия политики инкорпорации крестьянских учреждений в структуру местной государственной власти. Государство, преодолевая неоднородность сельского населения с помощью административных мер, ослабляло внутренние общественные связи «переселенческого общества».

Ключевые слова: *крестьянское самоуправление, колонизация, переселенческое общество.*

Термин «самоуправление» появляется в русском языке и законодательстве только во второй половине XIX в., в связи с распространением западных теорий самоуправления [1. С. 249]. Одним из наиболее ранних российских трудов по самоуправлению являлась работа А.И. Васильчикова «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений», в которой отмечалось, что слово самоуправление – английское по происхождению, но при этом лексическое значение английского слова не отражает специфики российских земских органов [2]. «Англосаксонский тип» местного самоуправления предполагал независимость от коронных учреждений либо по составу, либо по положению в административной структуре. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, отмечалось, что общественное самоуправление развито в Америке и означает оно «управу самим собой», «участие и помощь каждого в охранении порядка, без пособия правительства» [3. С. 136]. Интересно, что В.И. Даль связывает это слово не с общественным, земским или мирским управлением, которые и стали называться органами самоуправления, но с русским словом «самоуправство», обозначающим «нарушение законного порядка при решении каких-либо дел, самовольное незаконное осуществление чего-либо, произвол» [4. С. 24].

В XVIII – первой половине XIX в., в российском законодательстве и делопроизводственных документах местное управление, осуществляемое выборными представителями территориальных обществ, организованных по сословному признаку, определялось как внутреннее государственное управление. Специфической формой организации местного управления сельского податного населения было мирское управление (сельское или общественное управление), осуществлявшееся в рамках сельской общины – мира. При этом цель

сословного самоуправления понималась как выполнение сословными корпорациями функций местного управления, делегированных государством. В связи с этим становится понятным и отношение населения к выборной общественной службе как государственной повинности, что нашло отражение не только в комплексе правовых категорий, но и бытовых воззрениях. Развитие институтов самоуправления в России шло не по англосаксонскому, а по континентальному образцу, для которого была характерна высокая степень централизации, административная опека коронных органов и «бюрократическая субординация в отношении центра и мест» [5. С. 23]. В основе континентального типа самоуправления лежит французская модель. Исследователи местного управления Франции (конца XVIII в.) отмечали элементы сходства российской и французской систем, проявившихся в том числе и на уровне сельского общества, среди них тесная зависимость крестьянских органов от административной опеки и двойственное положение крестьянских учреждений в системе местного управления [6. С. 506–508]. Данный тип взаимоотношений центральных и местных органов точнее определить как децентрализованный, а не децентрализованный [7. С. 28]. При децентрализации местные органы могут действовать самостоятельно в пределах своей компетенции, но вышестоящие инстанции имеют право отменить или изменить принятое решение, контролировать делопроизводство, а через него и личный состав.

Необходимость децентрализации власти на всех уровнях была следствием недостатка бюрократических средств у государства на окраинах, отдаленности от центра, несовершенных средств коммуникации. Единственной силой, способной удержать местные власти от произвола и злоупотреблений в таких условиях, были мирские сословные организации, возникавшие стихийно, как следствие естественного стремления общества к

самоорганизации. Центральная власть была вынуждена делать ставку на местные общества и традиционные институты самоуправления, используя их в качестве низового звена власти, наделяя их властными полномочиями и сохраняя за ними определенную степень самостоятельности и базовые принципы формирования (выборность, коллегиальность, отчетность исполнительных органов перед представительными) [8]. Инкорпорация традиционных институтов самоуправления в административную систему региона и государства свидетельствовала о завершающей стадии формирования вертикальных связей сибирской окраины и центра. При этом территориальная основа органов крестьянского самоуправления – сельская поземельная община, не в полной мере соответствовала задачам интеграции и унификации имперского пространства регионов. Локализм, как важнейшее качество крестьянского социума, жесткая дифференциация на «своих» и «чужих» не только не способствовали, но препятствовали установлению горизонтальных связей. Крестьянский мир ограничивался рамками небольшого однородного коллектива, для которого была характерна связь личного типа, в значительной степени усиливающаяся за счет родственных отношений.

Уникальный административный облик Сибири был обусловлен этнической, конфессиональной, социально-экономической и социокультурной неоднородностью населения, сохраняющейся в условиях расширения переселенческого потока [9]. Разрушение корпоративных связей, традиций и обычаев, индивидуализация «переселенческого» общества естественно и закономерно приводили к переориентации его членов от этики выживания, с ее приемами социальной поддержки, взаимопомощи, к рыночным ценностям, оправдывающим накопление капитала для повышения социального и экономического статуса. Еще А.П. Щапов, характеризуя сибирскую общину, выделил такие черты, привнесенные «великорусско-иностранцами» населением в традиционные русские общинные отношения, как эгоизм, отсутствие гуманности, преобладание частных стремлений над «высшими общественно-гражданскими социальными стремлениями» [10. С. 7]. Позднее народник Н.М. Астырев, определяя специфику сибирской общины, отмечал: «Здесь мир крестьянский, «общество», лишено даже тени идеализации... Здесь не услышишь несколько туманных, но тем не менее волнующих душу народолюбца выражений «мир – великий человек», «с миру по нитке», «мирская слеза». Само слово «мир» здесь, кажется, совсем

неизвестно: оно обыкновенно заменяется словом «общество» [11. С. 108]. Отсутствие гуманности и альтруизма у сибирских крестьян беспокоило при этом не только областников и народников, но, в первую очередь, местную власть, вынужденную возлагать общинные обязанности и контроль за ними на чиновников.

Тревожные симптомы разложения патриархальных общинных механизмов отчетливо проявляются в сибирской деревне уже в XVIII в. Слабость бюрократического аппарата и отсутствие помещиков и заставляли власть с большим вниманием относиться к деятельности крестьянского самоуправления. Сложный, неоднородный состав сибирской общины, наличие в ней значительного числа незащищенных слоев, слабых и с экономической, и с нравственной точки зрения, на которые не распространялись традиционные мирские ценности, снижали ее роль в качестве корпоративного гаранта выживания, социальной стабильности и защищенности населения всех без исключения членов общества. Нормы обычного права в условиях переселенческого общества, при очевидном разрыве локальности крестьянского социума, утрачивали свое безапелляционное значение. В этих условиях государственная политика была направлена на консервацию патриархальных традиций в сибирском крестьянском обществе и замещение уже утраченных (или еще не сложившихся) механизмов общественной поддержки и опеки. Важнейшей целью государственных мероприятий в этом направлении было сохранение платежеспособности крестьянского хозяйства, предупреждение пауперизации, т.е., в конечном счете, фискальные интересы казны. Тем не менее видеть в этих действиях властей исключительно «эксплуаторскую и паразитирующую» роль государства будет не справедливо, потому что государство добивается этой цели, не только усиливая административно-полицейский и финансовый гнет, но и рационализируя систему хозяйствования, повышая уровень образования, модернизируя систему управления.

Государство, возлагая на переселенческое движение решение важнейших геополитических, экономических, национальных задач, было заинтересовано в прочном водворении и сохранении «русскости» пришлого населения. Приоритеты государства в связи с этим должны были смещаться от узкой задачи – заселения любым, даже «слабым населением», к более широкой – созданию независимого от государственной помощи и иностранцев, экономически устойчивого русского населения. Неслучайно в качестве образца, некого

идеального варианта, используется система самоуправления русского крестьянства. После завершения стадии административного освоения, с различной степенью актуальности, в зависимости от близости к границам, концентрации иноэтнического компонента, возможной демографической и экономической экспансии, поднималась проблема интеграции автохтонов в общеимперское административное и правовое пространство. Решение данной задачи было связано с насаждением русско-православного элемента и усилением тех механизмов, которые бы способствовали обрусению населения. Наряду с русской школой и Русской православной церковью таким механизмом выступало крестьянское самоуправление. Экономические мотивы сближения в рамках единой волостной единицы русского крестьянства и инородцев сосуществовали с идейно-политическими и культурно-этнографическими. Традиционное крестьянское общество со своими институтами играло роль «скрепки» имперского пространства, наполняясь при этом новым содержанием, стирая в этом проекте черты традиционности. Используя институты крестьянского самоуправления (как один из принципов государственного порядка внутренних губерний), правительство стремится поглотить присоединенную территорию имперским ядром. Расширение внутреннего ядра Российской империи с помощью крестьянина-земледельца предъявляло колонизатору новые требования. Именно в это время в специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников все чаще стали раздаваться тревожные сомнения относительно колонизационных возможностей русского крестьянина: не потерял ли он свою колонизирующую силу, не иссяк ли «народный гений созидательного творчества *общинной* жизни»? Свидетельствами культурного поражения русской колонизации на окраинах могли служить, с одной стороны, регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хроническое недоедание, снижение численности населения, с другой – утрата языка, веры, обычаев и традиций общинной жизни русского крестьянина.

Воссоздание общины на окраине, даже несмотря на сохранение устойчивых и разнонаправленных претензий в бюрократизме, хозяйственном консерватизме, патернализме, излишнем демократизме и даже коммунизме, требовало у ее сторонников не менее сильных аргументов. Очищенная от бюрократического негатива и хозяйственного консерватизма

идеальная модель крестьянского общества пересекалась с давно обсуждаемым волостным земством, «первоначальной ячейкой устройства жизни, практической школы общественной солидарности на почве самоуправления», «основой народной свободы земледельческой России», «нижним пластом демократического строя» и, наконец, «национальным образцом демократической организации» [12. С. 28]. Отсутствие подобной практики оставляло население в виде «распыленной, неопытной, общественно неумелой массы», которую легко сбить с толку. Земство, в отличие от крестьянской волости, должно было быть всесловным, что позволило бы оказывать на крестьян влияние «более культурным элементом». Идея волостного земства более всего соответствовала западным представлениям о муниципальных органах как школах демократии и гражданского общества, где и происходит воспитание солидарности или обучение новым формам организации труда. Для переселенческих чиновников-практиков «окультуривание» русского колонизатора, воспитание в нем коллективизма и солидарности было действительно насущными задачами, не обязательно связанными с политическими новациями.

Самостоятельность колониста, умение организовать свое хозяйство и быт без посторонней, прежде всего без государственной, помощи ценились на всех окраинах. Альтернативой государству-попечителю и чиновнику-опекуну и должна была выступать внутренняя организация – община. Опыт Туркестана и Дальнего Востока доказывал несправедливость упреков «слишком гуманных администраторов», критиковавших государство за сокращение финансирования переселенческих партий и ставку на своекоштных колонизаторов. «Хороший колонист не потребует себе никаких милостей, льгот, привилегий, которые всегда больше вредят, чем приносят пользу, уча людей надеяться на чужую помощь, а не на свои собственные силы нравственные и физические» [13. С. 245]. А.А. Кауфман, сведя воедино различные проявления «хищничества» переселенцев, объяснил их «недостатком общей культурности» русского колонизатора, отсутствием, помимо частных, сиюминутных выгод, понимания важности и общественных обязанностей и ответственности будь то перед будущими поколениями, соседями или государством. Общественная солидарность, сплоченность коллектива для решения задач любого уровня (строительство новых дорог или хотя бы поддержание тех, которые строили предшественники, создание благоустроенных поселений,

вложение средств в школы или больницы) отличали переселенцев европейского происхождения, прежде всего немцев, «низводя» в равной степени и великоросса, и малоросса до «азиатов» [14. С. 346]. Интересно, что противопоставление культурного европейского колонизатора («колонисты цивилизованных национальностей, но не русского корня») и «некультурного азиата» на азиатских окраинах часто разрушалось, но не за счет разочарования в культурности, общественности, рациональности «немцев» в Азии, а из-за столь же высокой организованности встречных «азиатских колонизаторов» — китайцев, корейцев, которых было сложно отнести к «культурной Европе». В этом замечательном противостоянии единственным «безобразно-хищническим» азиатом оказывался крестьянский переселенец, главное колониционное достоинство которого сводилось к количеству.

Качество переселенческой партии чиновники оценивали по сплоченности коллектива, в связи с этим бывшие отходники, ремесленники, утратившие общинные навыки, рассматривались как «не особо удачный» колониционный материал, поскольку «... не умели хорошо приняться за дело, не составляя дружной общины по своей разнородности ... не могли сплотиться в одну дружную семью, так что среди них не могло быть артельного начала, задруги, помочи, общей пахоты и других общих начинаний, которые могли бы особенно пригодиться в таком трудном и новом деле, как колонизация чуждого края» [15. С. 132]. Отсутствие сплоченности не позволяло переселенцам проявлять «собственную инициативу». Получалось, что община не подавляла индивидуализм, но помогала ему проявляться, создавала условия для самостоятельности коллектива, независимости его от внешних сил и тем самым реализации в нем личных интересов.

Выборы старост («старших»), проведение сходки будущих домохозяев, самостоятельное «разделение на общества, придерживаясь главным образом родных сел и волостей», в условиях внешних угроз создание сельских дружин — начальные общественные практики в местах водворения. Массовые переселенческие партии, во избежание конфликтов, старались размещать в переселенческих бараках и во время следования семьями одного и того же общества. Представления о единстве русских переселенцев опровергались «жестоким враждой» и распрями даже соседских обществ и усиливались монолитом иностранных колонистов, которые спланивались не общей территорией выхода, а внутренним единством куль-

туры, веры, языка, усиленными внешним иноязычным, иноверным и инокультурным окружением. Русский крестьянин в процессе переселения демонстрировал крайнюю разобщенность, локальную замкнутость на уровне деревни (даже не губернии, хотя по местам выхода и именовались тамбовскими, курянами).

Слабость внутренней организации, особенно при продолжительном пребывании в городах, в ожидании отправки на места, приводила к вмешательству властей. В бараки к переселенцам назначались дневальные «при унтер-офицере и особый полицейский надзор» из-за недостаточно хорошего поведения: «постоянных беспорядков, шума и пьянства». Также разбирательство спорных вопросов, «тяжб» между переселенцами, не связанными между собой общим правовым пространством, единством в понимании норм обычного права, требовало внешней силы. Как правило, таковой становилась местная полиция в лице исправника и заседателей. Самоорганизация переселенцев была особенно важна при водворении на слабозаселенных территориях, для которых была характерна так называемая недоуправляемость. При образовании переселенческого участка вдали от административных центров, «осуществление ... надзора за ведением в них общественного самоуправления было фактически невыполнимо» из-за дальности расстояния, разбросанности поселков на громадном пространстве и отсутствия удовлетворительных путей сообщения [16. С. 154]. Следовало также учитывать и без того значительную текущую нагрузку полицейских органов.

Переселенческие чиновники готовы были даже в некоторых случаях пожертвовать прямыми интересами казны, ради создания крестьянских учреждений. Создание системы опорных пунктов в приграничных районах («на необитаемых доселе местах»), малочисленных по составу и разбросанных на значительном расстоянии, делало фактически невозможным объединение этих селений в единое волостное общество и его функционирование на средства самих крестьян. В Амурской области чиновники областного по крестьянским делам присутствия ходатайствовали о принятии расходов на средства казны по содержанию общественного крестьянского управления переселенческих районов в течение пяти лет, с предоставлением ссуды на постройку здания волостного правления. Ходатайство было отклонено генерал-губернатором, «как опасный прецедент» освобождения крестьян от натуральных повинностей. Данное решение «крестьянскими» чиновниками было осуждено, как не удовлетворяющее ни нуж-

ды населения, ни интересы административного управления областью. Волостное правление в переселенческих поселках имело значительно больше задач, даже в сравнении с сибирской, и тем более российской волостью. Общественное крестьянское управление не только *обслуживало* население, но и *«служило* неисчерпаемым источником информации. При отсутствии этого «источника» и внешние, и внутренние задачи перекладывались на плечи переселенческих чиновников и чинов общей полиции. Повысить заинтересованность крестьянского общества в решении не только собственных, но и общегосударственных задач, таких как колонизация края, предлагалось при помощи казенного вознаграждения старшинам и писарям за дополнительные обязанности, в качестве «близких к населению низших агентов» переселенческой организации.

Слабость общины как социальной организации, как внутреннего «опекуна» неизбежно усиливала роль государства в этой части. Получая разнообразную, зачастую безвозмездную помощь извне, крестьянин-переселенец утрачивал заинтересованность в самостоятельном общественном труде. «Хищничество» крестьянин проявлял не только по отношению к отведенным ему земле, лесу, угодьям, но и по отношению к тем сооружениям, на строительство которых крестьянин не затрачивал сил и средств, получая их от государства. Недостаточно бережно относились новоселы, в частности, к гидротехническим сооружениям – «устраивают переезды и прогоняют скот через каналы ... даже ездят по самим каналам», для удобства иногда «заваливая их кочками, соломой и сеном», не ограждают колодцы, построенные на казенные средства, не очищают их и т.д. Последствием правительственных льгот становилась деградация и без того незначительных общесоциальных нужд. Слабость общих интересов усиливалась нежеланием создавать любые общественные доходные предприятия, за исключением кабаков. Безответственное отношение к общественной казне и хозяйству проявлялось в том, что деньги, вырученные от доходных статей, не обращались в мирской капитал, а раздавались, не принося за малостью сумм существенной пользы отдельным хозяевам, но нанося урон общественному капиталу. В отчетных материалах чиновников постоянно встречаются сетования, свидетельствующие о распространении данной практики, особенно по поводу мирских приговоров о выдаче каждому двору к празднику «известного количества ведер» из общественного кабака.

Практически не касаясь поземельной сущности крестьянской общины переселенцев (приняв преимущества подворного, индивидуального владения), государственные эксперты оценивали политическую, социальную, административную и национальную составляющую крестьянской общины. Поднимается в связи с этим вопрос о возможности и необходимости распространения общинной формы и владения, и управления на инородцев.

Аргументация «общинной прививки» для кочевников имела преимущественно социальные характеристики: переход к земледелию должен привести к «замене преобладающей между киргизами замкнутости родовых начал общинными отношениями», преодолению засилья родовой аристократии. В данном случае идеальной конструкцией выступала русская община, которая в планах чиновников являлась не только уравнительным инструментом, но и органом опеки и попечения, защиты интересов каждого ее члена. Хозяйственные функции общины в степных условиях, особенно при ирригационном орошении, возрастали. Земельные наделы оседлых киргизов предполагалось изымать из волости кочевников и передавать в общинное владение. Это действие было направлено против зажиточной верхушки кочевого социума, которая определялась как главный противник земледельческих занятий. При этом администрация понимала, что эта же часть населения является наиболее авторитетной, поэтому склонение ее в пользу земледелия и оседлого образа жизни принесло бы наибольший результат. В проекте Акмолинского военного губернатора «Об устройстве поселений в степи Акмолинской области» (1876) был предложен вариант постепенного перехода к оседлому состоянию через промежуточное – полuosедлое [17]. Обязательным условием развития сельских обывателей степи было создание самостоятельной административной структуры по образцу крестьянского – существующего в русских селениях с непосредственным подчинением уездным управлениям.

Институциональная интеграция предполагала сближение инородческих и крестьянских волостных институтов на основе их модернизации. Мероприятия в этой сфере и для крестьянского, и для инородческого обществ были одинаково новационными. Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» (1868 г.) вводило для нижнего административного звена двухступенчатые выборы, а волости, как и аулы, создавались не по родовому, а по территориальному

принципу [18. С. 113]. Сочетание этих двух позиций приводило к окончательной деградации родовых институтов, распространению взяточничества и произвола волостных правителей. Проекты 70-х гг. XIX в. еще более последовательно предполагали унифицировать общественное управление всех категорий сельских обывателей. Устройство волостного и аульного управления для оседлых и полуседлых киргизов должно было строиться по общероссийским нормам, применяя общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Попытки законодательно повлиять, «осовременить» общественные институты приносили наиболее негативные последствия. В отчете за 1886 г. степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский отмечал, что объединение нескольких родов в единую волость приводит к ожесточенной борьбе при выборах волостных правителей.

Строительство империи, ее распространение на окраины предполагало различные практики освоения пространства, выбор которых зависел от уровня социально-экономического развития региона, характера политической культуры населения, его демографических и этноконфессиональных параметров и т.д. Одной из важнейших задач государства при включении новой территории являлось ее административное оформление. Как показывает опыт колонизации восточной окраины Российской империи, задача административной организации региона вынужденно имела приоритетное, даже по сравнению с хозяйственным освоением, значение. Построение административной вертикали, срастающейся с органами местного самоуправления и доходящей до каждого жителя отдаленного населенного пункта, заполнение властного вакуума являлись первой ступенью «приобретения» нового пространства. Мирские организации возникали стихийно, как следствие естественного стремления общества к самоорганизации. Центральная власть делает ставку на местные общества и традиционные институты самоуправления, используя их в качестве низового звена власти, наделяя их властными полномочиями и сохраняя за ними определенную степень самостоятельности и базовые принципы формирования: выборность, коллегиальность, отчетность исполнительных органов перед представительными. Обширность колонизируемых территорий, недостатки и недостаточность правительственной опеки усиливали колонизационную значимость общины, выдвигая на первый план, наряду с хозяйственными, общегражданские задачи по защите и воспи-

танию граждан, «созданию здоровых общественных нравов».

«Российская модель» крестьянского самоуправления рассматривалась местной администрацией в качестве идеальной основы для интеграции сельского и инородческого населения. При этом главным достоинством данной модели была ее адаптация к общеимперскому законодательству и аппарату управления. Конечным результатом этих процессов была гомогенизация имперского этнополитического пространства, а в качестве приоритетного идентификатора выдвигался сословный критерий, а не этническая идентичность. Интенсивность проведения интеграционных мероприятий на уровне волости зависела как от степени включенности более крупных, чем волость, территориальных единиц, так и от готовности населения к восприятию новаций. Наиболее значительные подвижки происходили у аборигенов, проживающих в зоне активного торгово-промышленного и земледельческого развития, интенсивных контактов с русским населением. Инкорпорированные в административную систему традиционные институты самоуправления фактически сохраняли лишь форму, наполняясь новым содержанием. Расширяясь, имперское пространство не консервировало традиционное общество и его институты, а трансформировало, разрывая локализм и замкнутость «малого» общества, заменяя горизонтальные связи на вертикальные. Государство практически не использовало насильственных методов интеграции, заменяя их символическими, ментальными практиками, позволяющими привыкать и власти, и самому обществу к новым отношениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Институты самоуправления: историко-правовое исследование.* М., 1995.
2. *Васильчиков А.И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1872. Т. 1.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1911. Т. IV.
4. *Словарь русского языка.* М., 1988. Т. IV.
5. *Фадеев В.И.* Муниципальное право России. М., 1994.
6. *Ардашев П.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). СПб., 1900. Т. 1.
7. *Лазаревский Н.Н.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 2.
8. *Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
9. *Мамсик Т.С.* Сибирская деревня в 1760–1850-е годы: социальная структура и социальные конфликты: дис. в форме

научного доклада на соискание ученой степени докт. ист. наук. Новосибирск, 1992.

10. *Щапов А.П.* Сибирские народные дети и их воспитание // А.П. Щапов в Иркутске (неизданные материалы). Иркутск, 1938.

11. *Астырев Н.М.* На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.

12. *Френкель З.Г.* Волостное самоуправление. Его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией. М., 1999.

13. *Иванов А.* Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. № 11–12.

14. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.

15. *Елисеев А.* Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. № 8.

16. *Труды Амурской комиссии.* Вып. IX: Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях. СПб., 1911.

17. Казенное учреждение исторический архив Омской области (КУ ИсА). Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587 // О водворении в степи русских поселений, 1873. Т. 1.

18. *Артыкбаев Ж.* Казахское общество: традиции и новации. Астана, 2003.